Бледный свет ламп освещал тихий коридор, в котором раздавались тяжелые шаги мужчины.

Вэй Цинъюй посмотрела на Чэнь Линьцзи, который шел ей навстречу, словно она увидела запоздалую надежду.

— Дядя Чэнь. — Вэй Цинъюй слегка кивнула.

— Госпожа Вэй, действительно прошло много времени с тех пор, как я вас видел. — Голос Чэнь Линьцзи звучал так же сильно, как и всегда, и Вэй Цинъюй чуть расслабилась, послушав его.

Она кивнула, думая, что действительно прошло много времени с тех пор, как она его видела. Даже на похоронах своих родителей она так и не увидела дядю, которого часто видела в детстве.

— Госпожа Вэй, мне очень жаль, что я связался с вами через полгода. — Сказал Чэнь Линьцзи. — В то время я был далеко от филиала в стране Y. Когда в семье Вэй случилась трагедия, у компании там тоже возникли проблемы, которые нужно было решить. Поэтому я так и задержался.

Вэй Цинъюй не винила Чэнь Линьцзи ни в чем.

Она понимает, что находясь в тени семьи Цзи, те, кто был близок к семье Вэй в прошлом, неизбежно будут подавлены им. Чэнь Линьцзи, который уступает только Цзи Цинюню в дружбе с семьёй Вэй, неизбежно будет действовать в тени Цзи Цинюня. Особенно для.

Вэй Цинюй посмотрел на усталое лицо Чэнь Линьцзы в сравнении с полугодом, проведённым под ограничениями Цзи Циню.

Тем не менее, поскольку он связался лично со мной, сейчас потратил почти 200 миллионов юаней, чтобы выкупить виллу семьи Вэй, то это показывает, что он пережил кризис.

Это уже очень хорошо.

Вэй Цинюй слегка улыбнулся Чэнь Линьцзы и сказал: "Дядюшка слишком вежлив, стоило бы называть меня тише".

Чэнь Линьцзы кивнул: "Хорошо. Каждым тише".

Она понимает, что в тени семьи Цзи те, кто раньше был близок к семье Вэй, неизбежно будут им подавлены. Чэнь Линьцзи, уступающий по близости к семье Вэй только Цзи Цинюню, неизбежно будет действовать от имени Цзи Цинюня втайне. Тем более о.

Вэй Циню посмотрел на посеревшее лицо Чэнь Линьцзи в сравнении с полугодием, проведённым под гнётом Цзи Цинюня.

Однако теперь, когда он сам связался с ним и потратил около 200 миллионов юаней для выкупа виллы семьи Вэй, это показывает, что сейчас он пережил кризис.

Это само по себе очень хорошо.

Вэй Циню слегка улыбнулся Чэнь Линьцзи и произнёс: "Дядюшка, право слово, слишком любезен. Стоит называть меня тише".

Чэнь Линьцзы кивнул: "Ладно. Каждым тише".

=

Хотя сейчас господина Вэя уже нет с нами, я всегда буду помнить доброту, которую его семья оказала мне. Не беспокойтесь, я обязательно помогу вам в будущем. А потому сейчас дядя хочет сначала узнать ваше мнение, какие планы у вас на будущее?

Вэй Цинъюй: "Сначала я хочу вернуть себе то, что оставили мне родители".

Хотя голос девушки был тихим, в её словах чувствовалась твёрдость.

Чэнь Линьцзи кивнул в знак одобрения: "Хорошо, это то, что дядя обязательно сделает для тебя".

"Только вот методы Цинъюня в этот раз оказались слишком подлыми. Я расследовал это дело. Его титул в качестве человека, занимающего собственность семьи Вэй, — это титул младшего наследника этого наследства. Он управляет им как опекун наследника".

Рассказывая это, в глазах Чэнь Линьцзи горел едва скрываемый гнев: "Я и подумать не мог, что он способен на такое подлое дело. Ещё минуту назад он обсуждал какие-то мелочи с господином и госпожой Вэй и выражал им сочувствие, а через мгновение уже вывернул всё наизнанку, показав свою истинную сущность".

Дружба более чем десяти летнего срока уступает денежной выгоде. Это действительно возмутительно и бесстыдно.

- «Я это осознаю». - Вэй Цинъю спокойно кивнула. Это было первое, что её ввело в заблуждение в отношении Цзи Цинъюнь.

Она взглянула в глаза Чэнь Линьцзи, полные нерешительности и волнения, и активно спросила: «Так что нам нельзя действовать опрометчиво, верно? Дядя Чэнь».

- «Верно». - Чэнь Линьцзи кивнул. - «Я узнал, что Цзи Цинъюнь за последние полгода тайно переписал названия компаний подконтрольных Weishi Group, и упаковал их в абсолютно другую компанию, пытаясь хоть немного ослабить груз наследия. Пытаясь сделать то, что через два года перейдёт к вам, пустой оболочкой».

- «Но вы можете быть спокойны. Пусть внешне моя компания получила серьёзные повреждения, но внутри она по-прежнему очень крепка. Сейчас Цзи Цинъюнь на виду, а мы в тени. Многие вещи стало сделать проще. Если понадобится, я заставлю его пожалеть».

За последние полгода Чэнь Линьцзи также научился играть против Цзи Цинъюня. На этот раз, вернувшись в Китай, он никого не стал беспокоить.

Даже на аукционе его выставлял его надежный и абсолютно никак не связанный с высшим светом А-города друг.

Чэнь Линьцзи вдруг захотел отплатить семье Вэй, оказавшей ему добро, и успокоить души усопших.

Просто когда он посмотрел на стоящую перед ним девушку, план, который он вынашивал в своем сердце, застрял в горле и так и не был озвучен.

Теплый желтый свет автомата для продажи упал на плечо девушки, а ее стройная ручка отражалась на земле, как молодой побег бамбука.

Румянец и свежесть, которые он видел несколько лет назад, исчезли со щек девушки, и в ее голубых глазах осталась только непрозрачная холодность.

За последние полгода Чэнь Линьцзи также научился играть против Цзи Цинъюня. В этот раз, вернувшись в Китай, он никого не стал беспокоить.

Даже на аукционе его выставлял его надёжный и абсолютно никак не связанный с высшим светом города А друг.

Чэнь Линьцзи вдруг захотел отплатить семье Вэй, оказавшей ему добро, и успокоить души усопших.

Просто когда он посмотрел на стоящую перед ним девушку, его сердце забилось, и он не смог предложить ей ничего.

Тёплый жёлтый свет автомата для продажи упал на плечо девушки, а её стройная ручка отражалась на земле, как молодой побег бамбука.

Румянец и свежесть, которые он видел несколько лет назад, исчезли со щек девушки, и в её голубых глазах осталась только непрозрачная холодность.

Чэнь Линьцзи долго раздумывал и не выдержал, сказав Вэй Цинъюй: «Цинъюй, дяде нужно от тебя, чтобы ты потерпела последние два года. В нынешней обстановке дядя не может забрать тебя из дома Цзи».

Вэй Цинъюй кивнула, услышав его слова: «Я понимаю».

Она тот человек, кто зная, что у неё есть поддержка, но на время откажется от неё. Она была намного более зрелой, чем её сверстники, и понимала мудрость смелости.

Глядя на разумную внешность Вэй Цинъюй, Чэнь Линьцзи не мог не чувствовать большую скорбь и беспомощность в сердце.

Он погладил Вэй Цинъюй по голове и сказал: «Цинъюй, я действительно сожалею о том, что случилось утром. Бинцзы и в самом деле безрассуден».

Щедрые ладони мужчины легли на голову Вэй Цинъюй с особым теплом альфы, которое напомнило ей Цзи Сяо.

Вэй Цинъюй замотала головой и сказала: «Всё в порядке. Никто из нас не пострадал».

Чэнь Линьцзи долго обдумывал и не сдержался, сказав Вэй Цинъюй: «Цинъюй, дяде от тебя

нужно, чтобы ты потерпела ещё два года. В сложившихся обстоятельствах дядя не может забрать тебя из дома Цзи».

Вэй Цинъюй, услышав его слова, кивнула: «Я понимаю».

Она из тех людей, кто, зная, что у них есть опора, ненадолго о ней забывает. В ней была зрелость, не свойственная сверстникам, и понимание истинности смелости.

Глядя на понимающий вид Вэй Цинъюй, Чэнь Линьцзи не мог не испытывать большую горечь и беспомощность в сердце.

Погладив Вэй Цинъюй по голове, он произнёс: «Цинъюй, я очень сожалею из-за произошедшего этим утром, Бинцзы и в самом деле повёл себя опрометчиво».

Щедрые мужские ладони легли на голову Вэй Цинъюй с особым теплом альфы, которое напомнило ей Цзи Сяо.

Вэй Цинъюй, покачав головой, произнесла: «Ничего, никто из нас не пострадал».

**

Услышав, как Вэй Цин Юй произнес «мы», Чэнь Линьцзи растерянно посмотрела на него и сказала: «Цин Юй, есть кое-что, на что я должна тебя наставить. Семья Цзи — очень опасные люди, и будь осторожен. И Цзи Цин Юн, и Цзи Сяо — не самые лучшие люди. Никогда не ставь себя в положение, когда из-за твоей доброты ты можешь оказаться в опасности».

«К тому же, Цзи Сяо — беспринципный, легкомысленный и пустой человек. Цин Юй, если она тебя действительно обидела, обязательно скажи дяде. Дядя Бин обязательно передаст дяде Биньцзы, чтобы тот выпустил пар».

Вэй Цин Юй нахмурил брови, когда услышал, как Чэнь Линьцзи отзывается о Цзи Сяо.

Он знал, что Чэнь Линьцзи волнуется за него, поэтому не стал ей возражать, лишь слегка кивнул головой и сказал: «Хорошо, я запомню».

Чэнь Линьцзи оглядел слабый и ветреный облик Вэй Цинъюй, но все еще беспокоился и сказал: «Цинъюй, не бойся, дядя никогда не оставит следа. Кроме того, обладание Цзи Сяо будет таким же сдерживающим фактором для Цзи Цинъюня в будущем».

Вэй Цинъюй услышала это и ее глаза на мгновение дрогнули.

Тревога подступила к ее горлу, когда Чэнь Линьцзи неожиданно предложил забрать Цзи Сяо.

Вэй Цинъюй напомнила: «Дядя, я понимаю, что ты имеешь в виду, но ничего не должно затрагивать малолетних детей. Мы не похожи на Цзи Цинъюня и других. Лучше не делать этого».

Её тон был слабым, и в нем невозможно было уловить никаких эмоций.

Чэнь Линьцзи услышал ее слова, некоторое время думал над ними, а затем кивнул: «Хорошо… Дядя остаётся тебе должен. Ты права, этого действительно не следует делать».

Вэй Цинъюй с облегчением вздохнула, когда услышала это. Она слегка кивнула и сказала: «Дядя, я слишком долго была в отъезде. Для отца и дочери семьи Цзи было бы плохо

обнаружить, что что-то не так».

=

"Возвращайся." Чен Лицзи кивнул и достал из кармана записку: "Это частный номер моего дяди. Если что-то понадобится, свяжись со мной, особенно в случае опасности. Обязательно первым делом обратись ко мне."

"Хорошо, до свидания, дядя." Вэй Цинъюй взял протянутую ему Чен Лицзи записку, купил бутылку газировки из торгового автомата и пошел в обратную сторону.

В коридоре было тихо, холодный плиточный пол отражал желтый свет, делая фигуру девушки еще более хрупкой.

Чен Лицзи смотрел, как Вэй Цинъюй уходит, с какими-то мыслями в глазах.

Пока Вэй Цинъюй отсутствовала, аукцион продолжался в обычном порядке.

Звучный голос ведущей заполнял зал. С учетом виллы Вэй, следующие несколько лотов ушли по очень хорошим ценам.

Цзи Сяобай со скукой наблюдал, как персонал на сцене выполнял финальные действия для очередного экспоната, и краем глаза увидел возвращающуюся Вэй Цинъюй.

Она украдкой взглянула на раскрасневшееся лицо Вэй Цинъюя и вмиг расслабилась, а ее трепещавшее прежде сердце наконец успокоилось.

Когда Вэй Цинъюй распрямился и сел на место, Цзи Сяо уперлась в щёку и недовольно протянула:

— Ты вернулся? Может, пойти на завод производства бутылок и купить тебе там воды?

— Я приложил немало усилий у того автомата. Возникли определённые проблемы, — невозмутимо ответил Вэй Цинъюй и вручил ей испаринку.

— Я такая глупая, даже автоматом пользоваться не умею, — возмутилась Цзи Сяо, но при этом нежно взяла из его рук бутылочку.

Прохладные капли стекали по ладони, образуя тонкую плёнку воды. В лёгкой прохладе оставалось ещё тепло ладони человека, который недавно держал эту бутылочку.

Цзи Сяо открутила крышку и сделала глоток, что позволило ей на миг забыть про недавние тысячи упрёков Цзи Цинъюня. Сердце её умиротворилось.

В этот момент последний лот на сцене также был готов.

Ведущий встал перед микрофоном и объявил всем: "Следующим будет последний лот сегодняшнего аукциона и завершающий экспонат".

"Снежно-сапфировая брошь королевской семьи х династии девяностых годов прошлого века!"

Когда голос ведущего смолк, стеклянная витрина на сцене, которая была покрыта красным вельветовым полотном, наконец предстала во всей своей красе.

Маленькая брошь в форме розы внезапно предстала перед взорами всех.

Редчайший снежно-голубой драгоценный камень закреплён на изящной ножке цветка из белого золота, а по бокам украшен сверкающими бриллиантами, создавая парный ансамбль. Только один взгляд на него издалека приводил в восторг.

"...Стартовая цена этой броши - 2,2 миллиона, шаг - 200 тысяч".

Ведущий замолчал, и женщина, сидящая в первом ряду в дальнем слева, подняла руку.

Затем люди постоянно поднимали руки, чтобы сделать ставку, а уровень волнения был даже выше, чем у семьи Вэй.

«Ух ты, эта вещь популярнее, чем дом». Цзи Сяо невольно вздохнул, наблюдая за оживленной обстановкой.

«Будь то огранка драгоценных камней или инкрустация ювелирных изделий, эта брошь первоклассного качества, даже если сейчас она лучшая. Самое главное, что цвет этого драгоценного камня редкий. Он представляет собой бледно-фиолетовый, прозрачный и легкий. Осень особенно красива. В прошлом году, когда обанкротился Музей драгоценных камней Фей Лэн Куи, был продан этот камень». Вэй Цинюй сидел рядом с Цзи Сяо и тихо объяснял ей.

Цзи Сяо немного удивился, когда Вэй Цинюй сам заговорил с ним, поэтому спросил с любопытством: «Откуда ты знаешь?»

«Я смотрел документальный фильм и имел честь участвовать в последней выставке зала драгоценных камней Фей Лэн Куи». Вэй Цинюй прошептал с сожалением в голосе.

Она не хотела владеть этой брошью единолично, а только надеялась, что она попадёт в руки простого прохожего.

Но она взглянула на всех этих людей, сжимавших плакаты, и поняла, что никто из них ничего не понимает.

Слушая слова Вэй Цинъю, Цзи Сяо невольно вспомнила про брошь, которую не так давно она тоже прикалывала на грудь, отправляясь на Жертвоприношение.

Хотя эта брошь и не такая изысканная, к счастью, убрать в кофр вместе с ней можно красоту, и тогда покажется, что эта брошь даже лучше.

Как же на Вэй Цинъю смотрелась эта брошь?

Глядя на выставленную в первом ряду брошь с высокой стоимостью — 3,2 миллиона, — Цзи Сяо подняла табличку возле ноги Цзи Цинъюня.

Когда ведущий увидел её, он тотчас воскликнул: «Госпожа Цзи — триста-четыреста тысяч!»

Фамилия, которая давно не звучала, прозвучала внезапно, и все бросили удивлённые взгляды на Цзи Сяо.

Даже Вэй Цинъю немного встревожилась.

Видя, как его дочь подняла руку, Цзи Цинъюнь тут же спросил: "Сяосяо, тебе нравится это?"

"Ага." Цзи Сяо ответила невпопад, не глядя на отца.

Цзи Цинъюнь понял, что гнев Цзи Сяо к нему еще не прошел, и сразу же принялся уговаривать: "Тогда делай все, что хочешь. Как только ты сможешь получить фотографию, папа даст тебе денег".

Услышав эти слова, Цзи Сяо приподняла брови и наконец-то удостоила беднягу-отца-раба двумя взглядами.

Она посмотрела на подобострастную и ласковую улыбку Цзи Цинъюня, ее глаза заискрились, и она сказала: "Тогда позвольте мне поблагодарить папу заранее!"

Цзи Цинъюнь, не осознавая серьезности ситуации, еще больше заулыбался, услышав ее слова: "Будь счастливой, Сяосяо".

В этот момент женщина, сидящая сбоку в первом ряду, подняла табличку, когда все снова замялись.

Ведущий тут же произнес: "Мисс Сан предлагает 3,6 миллиона юаней".

Не желая отставать, Цзи Сяо также подняла табличку.

Как могла мисс Сун позволить украшениям, которые должны были достаться ей самой, стать ее собственными, она же подняла бренд после Цзи Сяо.

Когда эти двое устроили торг, цена на брошь со снежно-голубым камнем подскочила почти до четырех миллионов.

Все глядели в изумлении, и нетерпение в глазах мисс Сун нарастало, она подняла руку и прямо заявила: «Я даю 4,4 миллиона!»

В зале поднялся переполох, ведь эта цена вдвое превышала изначальную стоимость броши.

Вэй Цинъюй недоверчиво смотрела на цифры на большом экране. Она прекрасно знала, что по мере роста цены, четыре миллиона уже превысили истинную стоимость этой броши.

«Завышенная цена, она того не стоит», — напомнила Вэй Цинъюй Цзи Сяо.

«А ты не думаешь, что если эта вещь попадёт в руки той женщины, будет жаль?» — Цзи Сяо указал на женщину, сидевшую в первом ряду.

Вэй Цинъюй высокомерно посмотрела на женщину и замолчала.

Конечно, эта брошь не украсит подобную особу.

"Ничто не стоит того, чтобы достойнейший не удостоился сокровища", — мягко прочитал свою проповедь Джи Сяо.

Тут ведущая за соседним столиком ударила молоточком, и Вэй Циню показалось, что этот звук эхом отозвался у неё в груди.

Она растерянно смотрела в глаза Джи Сяо и прочла в золотисто-оранжевых зрачках единственное слово: ты.

Когда ведущая занесла молоточек для последнего удара, Джи Сяо подняла табличку и чётко сказала:

— Я предлагаю пять миллионов.

В конце концов, значительная часть семейного капитала принадлежала ранее родителям Вэй Циню, так что это словно преподнести им дар от имени Будды.

Зрительный зал взорвался от изумления, а ведущая с надеждой посмотрела на Джи Цинъюнь.

Чтобы осчастливить дочь, Джи Цинъюнь с трудом выдавила из себя улыбку и кивнула ведущей, хотя сердце её истекало кровью.

Увидев это, ведущий быстро обрёл контроль и проговорил: "Ставка госпожи Цзи в 5 миллионов юаней действительно весьма немала. Желающие повысить ставку?"

Это была госпожа Сунь. Она сжала табличку в руке и на протяжении всей церемонии не подняла её, даже колеблясь несколько раз.

Выражающее гордость лицо вдруг потемнело, словно кто-то его жестоко раскромсал.

После трёх ударов молотка ведущий объявил: "Поздравляю госпожу Цзи, вы стали обладателем этой драгоценной броши из снежного сапфира!"

Когда настал вечер и рассвет уступил тьме, все присутствующие стали свидетелями невероятно предубеждённого отношения Цзи Цинъюня к его дочери-баловню, как это и утверждалось в слухах.

Автомобиль, на котором они вернулись, их водитель заменил на любимый "Майбах" Цзи Сяо. Тёмный металлический блеск автомобиля скользил по дороге, скрываясь в ночной мгле.

В машине царила тишина. Вэй Цинъюй любовалась неоном за окнами, а на стекле вновь увидела лицо Цзи Сяо.

Неизвестно, устала ли Чжи Сяо от подтверждения аукциона, но потом она, прислонившись к сиденью, уснула.

Вэй Цинъюй настороженно взглянул на Чжи Сяо и добавила в друзья пришедший только что от Чэнь Линьхуэй запрос.

Машина быстро миновала полукруг разворота эстакады. Вэй Цинъюй почувствовал, что под действием центробежной силы тело немного наклонилось, и в это же время почувствовал, что что-то тяжёлое упало ему на плечо.

Чжи Сяо уснула, упав на плечо Вэй Цинъюй.

Вэй Цинъюй посмотрел на мирно спящее лицо Чжи Сяо и его взгляд потемнел.

Она не понимала, почему она защищает Чжи Сяо, раз уж Чэнь Линьхуэй сделала такое предложение.

Совсем недавно она же хотела лично убить Чжи Сяо, и ножницы, которыми она резала её по шее, и сейчас всё ещё лежат у неё дома.

Машина плавно съехала с магистрали, и в тёмной машине зажглись уличные огни.

Вэй Цинъюй снова выпрямилась, но Чжи Сяо всё ещё спала на её плече.

http://erolate.com/book/4215/125877